

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАНКИСТСКОЙ
ИСПАНИИ В РОМАНЕ А. ДЕ МОНТЕРЛАНА
«ХАОС И НОЧЬ»

О.А. Кулагина

Аннотация. Роман Анри де Монтерлана «Хаос и ночь» (“Le Chaos et la Nuit”, 1963) повествует о жизни выходца из Испании, бежавшего во Францию вследствие победы националистов в Гражданской войне 1936–1939 гг. В произведении показаны два различных образа Испании, один из которых реален и соотносится с периодом пребывания у власти Франсиско Франко (1939–1975 гг.), а другой существует лишь в воспоминаниях и воображении героя. В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть основные языковые средства, используемые в романе при изображении Испании как реальной, так и воображаемой, а также самоидентификации героя, который так и не смог адаптироваться к жизни в ином социокультурном окружении. Основным методом исследования является лингвостилистический и лингвокультурологический анализ художественного текста. В результате исследования мы приходим к следующим выводам: 1) в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» показан этноцентризм главного героя, проявляющийся через его полную самоидентификацию с испанской культурой (которая является для него родной), и отказ от интеграции во французский социум; 2) репрезентация Испании в романе имеет двойственный характер: показаны Испания, существующая лишь в воображении героя, и Испания реальная, встреча с которой вызывает у героя глубокое разочарование, и как следствие — отчуждение от испанской культуры в целом; 3) для передачи двух разных образов Испании в романе используются различные языковые средства. Так, Испания воображаемая показана посредством антитез, гипербол, синтаксических параллелизмов, а также многочисленных испанизмов, которые герой намеренно вставляет во французскую речь и которые отсутствуют при изображении Испании реальной. Для репрезентации последней используются, главным образом, повторы и перифразы, что менее характерно при описании Испании воображаемой.

Ключевые слова: языковая репрезентация, лингвостилистический и лингвокультурологический анализ текста, этноцентризм, франкистская Испания, Анри де Монтерлан.

Для цитирования: Кулагина О.А. Языковая репрезентация франкистской Испании в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Часть 2. С. 372–382. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-372-382

© Кулагина О.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

LINGUISTIC REPRESENTATION OF FRANCOIST SPAIN
IN H. DE MONTERHLANT'S NOVEL "CHAOS AND NIGHT"

O.A. Kulagina

Abstract. *Henry de Monterlant's novel "Chaos and Night" ("Le Chaos et la Nuit", 1963) tells about the life of a native of Spain, who fled to France after the victory of the nationalists in the Civil War of 1936–1939. The paper shows two different images of Spain, one of which is real and correlates with the period of Francisco Franco's stay in power, and the other exists only in the memories and the imagination of the main character. In this article, we aim to consider the main linguistic means used in the novel when depicting Spain both real and imaginary, as well as the self identification of the hero, who was never able to adapt to life in a different socio cultural environment. The main method of research is linguostylistic and linguocultural analysis of an artistic text. As a result of the study, we come to the following conclusions: 1) the novel "Chaos and Night" by H. de Monterlant shows the ethnocentrism of the main character, manifested through his complete self identification with the Spanish culture (which is native to him), rejection of the host culture (the French one) and refusal to integrate into French society; 2) the representation of Spain in the novel has a dual character: Spain is shown as existing only in the imagination of the hero, and as a real country, the collision with which causes the hero deep disappointment and, as a result, alienation from Spanish culture as a whole; 3) the novel also uses different linguistic means to convey two different images of Spain. Thus, the imaginary Spain is shown through antitheses, hyperboles, syntactic parallelisms, as well as numerous Hispanisms that the hero deliberately inserts into the French speech and which are absent when depicting Spain as a real one. Repetitions, metaphors, and periphrases are used to represent the real Spain what is less typical when describing imaginary Spain.*

Keywords: *linguistic representation, linguostylistic and linguocultural analysis of the text, ethnocentrism, Francoist Spain, Henry de Montherlant.*

Cite as: Kulagina O.A. Linguistic Representation of Francoist Spain in H. de Montherlant's Novel "Chaos and Night". *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 372–382. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-372-382

373

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. является одной из значимых тем мировой литературы XX–XXI вв. В частности, многочисленные художественные произведения как на французском, так и на испанском языке описывают события, разворачивающиеся непосредственно в ходе военных действий («Большие кладбища под луной» Ж. Бернаноса, «Надежда» А. Мальро, «Реквием по испанскому крестьянину» Р.Х. Сендера и др., а также жизнь в послевоенной франкистской Испании («Ана Пауча» и «Мария-Республика» А. Гомеса-Аркоса, «Смерть после Богоявления» М. де ла Эскалера и т. д.).

В центре внимания авторов находится в основном происходящее непосредственно в Испании, а жизнь испанцев, вынужденных бежать из страны в конце войны, заметно реже становится центральной темой художественной литературы, в большинстве случаев вызывая интерес у современных авторов, которые в силу возраста не могли быть свидетелями описываемых событий. В качестве примера приведем романы «Долгий путь Хоакина-испанца» Ж.-П. Гротти (2015), «Забытые мечты» Л. де Рекондо (2013), «Ваши именины» О. Себбана (2009). В этом контексте роман французского писателя Анри

де Монтерлана «Хаос и ночь» (“Le Chaos et la Nuit”, 1963), повествующий о жизни испанского беженца во Франции и о трудностях его интеграции во французский социум, представляет немалый интерес для исследования, поскольку испанская тематика является одной из основных в творчестве автора, который благодаря многочисленным поездкам по Испании незадолго до начала гражданской войны был хорошо знаком с местными нравами и культурой [1, р. 155]. Роман нечасто попадал в поле зрения как зарубежных исследователей (за исключением статьи М. Вьеня “Dimensions du tragique dans Le Chaos et la Nuit de Montherlant”, посвященной репрезентации трагического в романе [2], статьи Л. Баладье “Le Chaos et la Nuit: une poétique originale” [3], где произведение рассматривается с точки зрения композиции и эстетики, а также главы в монографии В. Фрижеро “La littérature de l’anarchisme” [4, р. 89–93], где анализируется образ главного героя как представителя анархистского движения), так и отечественных. Исключением является статья О.А. Кулагиной «Языковые средства репрезентации трудностей культурной интеграции в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» [5]. В данной статье мы рассмотрим основные средства изображения в романе Испании времен Франсиско Франко, а также способ передачи ее восприятия главным героем, выделяя Испанию воображаемую, которая существует лишь в воспоминаниях героя, бежавшего из страны в 1939 г. после победы националистов во главе с Франко, и Испанию реальную, куда центральный персонаж возвращается после двадцати лет жизни во Франции. Наше исследование выполнено в русле антропоцентризма, где точкой отсчета является *homo verbo agens* [6, с. 32]. Основным методом исследования является

лингвостилистический и лингвокультурологический анализ художественного текста, поскольку именно на текстовом уровне возможно наиболее точно выявить особенности национально-культурной самоидентификации героя и проследить изменения в его видении родной культуры. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, остановимся на экстралингвистическом контексте романа.

Гражданская война в Испании была одним из центральных внешнеполитических вопросов во Франции. Так, правительство Народного фронта, пришедшее к власти в 1936 г., избрало политику невмешательства в конфликт, не поддерживая никаких контактов с националистами и практически не оказывая поддержки республиканцам из-за многочисленных случаев «красного террора» на территории Испании [7, р. 167]. После падения Народного фронта в 1938 г. новое французское правительство, возглавляемое Э. Даладье, оказалось перед дилеммой: с одной стороны, официальное признание режима Франко позволило бы обеспечить относительную безопасность средиземноморского региона, но, с другой стороны, под воздействием общественного мнения правительство Даладье так и не решилось на столь кардинальный шаг [8, р. 243–244]. Наряду с этим, именно Франция приняла наибольшее количество беженцев из Испании, которые опасались репрессий после прихода к власти Франко [9, р. 36]; беженцем является и главный герой романа «Хаос и ночь» Селестино, анархист и антиклерикал, покинувший Испанию в 1939 г. За двадцать лет жизни во Франции он так и не интегрировался в полной мере в принимающую культуру, но в случае Селестино отсутствие интеграции — не случайное стечение обстоятельств, а осознанный выбор героя, который дорожит своей

национальной идентичностью и демонстративно гордится своей инаковостью по отношению к местному социуму, проявляя тем самым своего рода этноцентризм¹. В то же время его видение Испании неоднозначно, поскольку сочетает в себе устойчивую самоидентификацию с испанской культурой и резкую неприязнь к режиму Франко.

Наиболее отчетливо этноцентрическая позиция героя проявляется на уровне его речевой характеристики. В качестве иллюстрации этой мысли приведем несколько примеров:

1) – J’aime cette rue Briquet. Son côté ruelle lui donne un air un peu de chez nous. Ses bornes sont pareilles à celles de notre Calle de Madrid, qui est du XVIIe siècle [11, p. 17].

Мне нравится улица Брик. Она похожа, скорее, на маленький переулок и немного напоминает этим наши улицы. А ее ограждения похожи на те, что стоят на нашей Калье де Мадрид, которую проложили в XVII веке².

2) – Et la *posada*?³ Purement française, et cependant quelque chose d’espagnol. Il ne manque que l’affiche sur le mur, avec l’annonce des six *hermosos toros*⁴ [Ibid, p. 18].

– А этот ресторанчик, *la posada*! Чисто французский, и в то же время есть в нем что-то испанское. Не хватает только афиши на стене с объявлением о корриде с участием шести *hermosos toros*⁵.

3) – Avant de te quitter, je monterai me recueillir un instant à Caballero de la Barra...

– Caballero de la Barra?..

– Le caballero qui fut décapité et brûlé pour avoir mutilé un crucifix.

– Ah oui! la rue Chevalier de la Barre [Ibid, p. 29].

– Прежде, чем мы попрощаемся, я пойду постою немного на улице Кабальеро де ла Барра...

– Кабальеро де ла Барра?..

– Тот самый кабальеро, которого обезглавили и сожгли за то, что он надругался над распятием.

– Ах, да! улица Шевалье де ла Барра!

В речи героя сохраняется большое количество испанизмов (“Calle de Madrid”, “la posada”, “hermosos toros”, “Caballero de la Barra”), с которыми он не стремится бороться, намеренно отдавая им предпочтение перед французскими эквивалентами и стремясь тем самым утвердить свою национальную идентичность. Отметим, что, как показывает дальнейший анализ материала, употребление испанизмов является отличительной чертой изображения Испании, существующей лишь в воспоминаниях центрального персонажа.

Другим немаловажным фактором самоидентификации Селестино является религиозный вопрос. Вот как показано в романе его видение религии в Испании:

L’Espagne n’est pas catholique; en 1936, il n’y avait pas un écrivain espagnol se présentant comme catholique, sauf Bergamin. Pas une nation, sauf la Russie, n’a donné à l’athéisme autant que nous [Ibid, p. 25].

Испания — не католическая страна; в 1936 году ни один испанский писатель не позиционировал себя как католик, кроме, разве что, Бергамина. Ни одна нация, кроме России, не сделала для атеизма столько, сколько мы.

¹ Под этноцентризмом в работе понимается выраженная самоидентификация индивида с собственной этнической группой и убежденность в превосходстве ее норм, ценностей и верований над нормами, ценностями, верованиями иных этнических групп [10, с. 129].

² Здесь и далее перевод наш. — О.К.

³ Курсив сохранен.

⁴ Курсив сохранен.

⁵ Прекрасных быков (исп.).

Пример представляет интерес с точки зрения своего грамматического оформления, где мы можем наблюдать сочетание настоящего времени, имеющего абсолютное значение (“L’Espagne n’est pas catholique” — «Испания — не католическая страна») и прошедшего несовершенного (“en 1936, il n’y avait pas un écrivain espagnol se présentant comme catholique” — «в 1936 году ни один испанский писатель не позиционировал себя как католик»). Эта комбинация позволяет предположить, что восприятие родной культуры у Селестино основано на далеких воспоминаниях, которые, вполне возможно, уже имеют мало общего с реальностью.

Приведем еще один пример, который передает прямолинейность суждений героя о своей родной культуре:

Oui, il l’avait dit, il était uniquement espagnol. Il ne s’imaginait jamais tirant sur des Français, ou sur des Anglais, ou les faisant fusiller; même, cette idée le choquait. Tandis qu’un Espagnol créait tout de suite en lui la réaction: est-il des nôtres, ou est-ce qu’il est à faire fusiller? [Ibid, p. 91–92].

Да, он был исключительно испанцем, он всегда так говорил. Он не мог представить себе, как стреляет во французов или англичан, или как приказывает кому-то их расстрелять; сама мысль об этом его шокировала. Но при виде любого испанца его реакция была мгновенна: а этот — из наших, или расстрелять его?

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание гиперболический эпитет “uniquement espagnol” («исключительно испанец»), который в очередной раз подтверждает мысль о неготовности Селестино интегрироваться в инокультурный социум и о его этноцентрической позиции. В то же время отметим двойную антитезу («испанцы — все прочие народы» и «свои — чужие»), которая

основана на довольно оригинальном критерии, столь же малоактуальном, как и суждения Селестино касательно религиозной жизни в Испании.

Тем не менее патриотизм Селестино зачастую подвергается серьезным проверкам на прочность, когда речь заходит о режиме Франко. При всей своей ненависти к диктатору Селестино не может воспринимать его отдельно от Испании:

1) Il lisait sur tout: la planète était son affaire. Mais de préférence sur l’Espagne, quand il le pouvait, car l’Espagne, à cette époque, était effacée des journaux français. Chaque matin il se jetait sur le journal français auquel il était abonné, avec une violence à en déchirer les pages, dans l’espoir d’y apprendre l’infarctus du général Franco. Il cherchait articles ou informations sur son pays avec l’avidité du littérateur qui parcourt le journal où il pensait qu’il y aurait un article sur lui, puis rejetait parfois le journal avec la même amertume bilieuse que le littérateur lorsqu’il n’a rien trouvé: toujours le black-out sur l’Espagne! Toujours le black-out sur l’Espagne! Si on ne parlait pas de l’Espagne, il en était meurtri. Si on en disait du mal, il en était meurtri. Si on en disait du bien, il en était meurtri, parce que c’était dire du bien du régime de Franco [Ibid, p. 47].

Он читал обо всем: его заботила вся планета. Но в первую очередь он читал об Испании, когда была такая возможность, так как Испания в ту пору не существовала для французских газет. Каждое утро он набрасывался на французскую газету, которую выписывал на дом, с таким ожесточением, что порой случайно рвал страницы, надеясь прочитать, что генерала Франко хватил инфаркт. Он выискивал статьи или любые упоминания о своей стране с жадностью писателя, который рассчитывает найти статью о себе, потом отшвыривал газету с горькой обидой, какую испытал бы писатель, ничего не

обнаружив: опять ни слова об Испании! Опять ни слова об Испании! Если об Испании ничего не было, он был уязвлен. Если о ней писали плохое, он был уязвлен. Если о ней писали хорошее, он был уязвлен, потому что таким образом писали хорошее о режиме Франко.

2) C'est ainsi qu'ayant rencontré par hasard un Français chez Ruiz <...>, le Français s'était mis à se moquer de Franco, mais <...> Celestino avait pris la mouche, rappelant, entre autres traits à la louange de Franco, l'histoire de la sieste d'Hendaye, et laissant entendre qu'il n'y avait pas beaucoup de pays où l'on aurait montré autant d'allure dans la même circonstance [Ibid, p. 51]⁶.

Так, однажды он случайно столкнулся с каким-то французом в гостях у Руиса <...>, француз начал насмехаться над Франко, но <...> Селестино вспылал и напомнил среди прочих похвал в адрес Франко эпизод с андайской сиейстой, а также дал понять, что едва ли нашлось много стран, где в подобной ситуации проявили бы такое достоинство.

В примере 1 стоит отметить синтаксический параллелизм и симплоку "Si on ne parlait pas de l'Espagne, il en était meurtri. Si on en disait du mal, il en était meurtri. Si on en disait du bien, il en était meurtri, parce que c'était dire du bien du régime de Franco" («Если об Испании ничего не было, он был уязвлен. Если о ней писали плохое, он был уязвлен. Если о ней писали хорошее, он был уязвлен, потому что таким образом писали хорошее о режиме Франко»). Герой сталкивается с этической и идентичностной дилеммой, разрешение которой показано в примере 2, где личность Франко косвенно характеризуется посредством литоты "il n'y avait pas

beaucoup de pays où l'on aurait montré autant d'allure dans la même circonstance" («едва ли нашлось много стран, где в подобной ситуации проявили бы такое достоинство»), обладающей положительным значением. Также обращает на себя мелиоративная лексема "allure" (зд. «достоинство»), используемая при характеристике поведения Франко, которая словно нивелирует неприязнь Селестино по отношению к диктатору.

Привязанность Селестино к родной культуре оказывается под большим вопросом, когда герой, узнав о смерти своей сестры, возвращается в Испанию для оформления наследства. Вот его первые впечатления о стране после двадцатилетнего отсутствия:

Cela fut comme à la guerre, lorsqu'il voyait, derrière les lignes adverses, le pays ennemi⁷, qui cependant était son pays. Il vit les premières masses noires et un embrouillis de lignes verticales, style 1900: la gare d'Irun. Il vit le pays de Franco, le pays ennemi, son pays. "Vous qui entrez ici, laissez toute espérance" [Ibid, p. 181].

Словно оказавшись на войне, смотрел он в окно поезда на эту вражескую страну, которая, тем не менее, была его родной. Он увидел первые темные очертания и хаотичное множество вертикальных линий в стиле 1900-х годов: это был вокзал Ируна. Он увидел страну Франко, вражескую страну, свою страну. «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Обращают на себя внимание повтор негативно окрашенного эпитета "ennemi" («вражеский»), сравнение "comme à la guerre" («словно на войне») и градация "le pays de Franco, le pays ennemi, son pays" («страна Франко, вражеская страна,

⁶ Речь идет о встрече Ф. Франко и А. Гитлера в октябре 1940 г. во французском городе Андай, целью которой было убедить Франко вступить во Вторую мировую войну на стороне Германии, и которая закончилась дипломатической неудачей Гитлера.

⁷ Курсив сохранен.

его страна»), где Испания названа не напрямую, а перифрастически, как если бы герой опасался встречи с родной культурой лицом к лицу. Эти опасения выражены более очевидно посредством цитирования фрагмента надписи на вратах ада из «Божественной комедии» Данте, где франкистская Испания таким образом косвенно уподобляется преисподней. Более эксплицитно реакция героя показана в следующем примере:

Il vit un jeune homme sur le quai, qui se précipitait pour porter la valise d'un prêtre, que d'évidence il ne connaissait pas. Une griffe serrait son cœur, comme si c'était la patte du lion de Castille qui lui pressurait le cœur. Quand il saisit la poignée de sa valise, sa main tremblait.

Il vit le drapeau rouge et jaune, et son cœur se bouleversa [Ibid, p. 182].

Он увидел, как какой-то молодой человек на перроне устремился к священнику, чтобы помочь ему нести чемодан, хотя они явно не были знакомы. Его сердце болезненно сжалось, как будто его сдавила когтистая лапа кастильского льва. Когда он взял свой чемодан, его рука дрожала.

Эпанод со словом «cœur» («сердце») в приведенном выше фрагменте выражает сильное эмоциональное потрясение, которое испытывает герой по возвращении на родину. Также отметим метафорическое упоминание о льве, который долгое время фигурировал на гербе королевства Кастилия и Леон и который имеет особую коннотацию в испанской культуре: встреча с родиной оставляет у героя тягостные ощущения, которые усиливаются при виде почестей, оказываемых представителю духовенства, что противоречит представлениям Селестино об Испании, которая, по его мнению (как мы видели выше), не является католической страной.

Разрушение образа Испании, который на протяжении последних двадцати лет существовал в сознании Селестино, продолжается и спустя время после приезда на родину. Вот как показано впечатление, которое на героя произвели люди на улицах Мадрида:

Sur chaque passant il darde la langue de flamme de son regard, qui brûle d'une triple interrogation: est-ce que tu es pour le régime? est-ce que tu l'acceptes avec résignation? est-ce que tu le hais, espères et attends, ou peut-être dans l'ombre travailles dangereusement contre lui? Il voudrait que chaque visage fût un cri. Il a rêvé l'Espagne de Franco avec des souvenirs du camp d'Argelès: un vaste camp d'internement. «80% des Espagnols sont aujourd'hui contre Franco», a-t-il lu dans un livre français <...>. Mais, ce qu'il voit, ce sont ou des visages vides ou des visages joyeux, c'est-à-dire ce qu'on voit dans toutes les villes, et peu à peu il cesse d'interroger les visages [Ibid, p. 191–192].

На каждого встречного прохожего он устремляет огненный взгляд, в котором пылают сразу три вопроса: а ты — за режим? Принимаешь ли ты его со смирением? Ненавидишь ли ты его, надеешься ли, ждешь ли или же втайне ведешь опасную работу против него? Ему хотелось, чтобы на каждом лице читался вопль. В его представлении франкистская Испания напоминала лагерь в Аржелесе⁸ и сама была огромным концлагерем. «80% населения Испании сегодня не поддерживают Франко» прочел он ранее в какой-то французской книжке. <...> Но все, что он видит, — это пустые или веселые лица, какие можно увидеть в любом городе, и постепенно он перестал бросать на них вопросительные взгляды.

Желание героя убедиться в том, что испанцы питают к Франко такую же

⁸ Лагерь на территории коммуны Аржелес-сюр-Мер, организованный в 1939 г. французскими властями для испанских беженцев.

ненависть, как и он, передается посредством метафор “il darde la langue de flamme de son regard” (букв. «он мечет язык пламени своего взгляда») и “Il voudrait que chaque visage fût un cri” («Ему хотелось, чтобы на каждом лице читался вопль»), которые показывают весь драматизм сложившейся ситуации для героя. Три вопроса, которые он мысленно задает прохожим, отсылают к упомянутой выше «классификации», придуманной Селестино для соотечественников: “est-il des nôtres, ou est-ce qu’il est à faire fusiller?” («а этот — из наших, или расстрелять его?»). Однако эта классификация теряет свою актуальность для героя, поскольку найти ответ на свой вопрос он уже не в состоянии, что показано за счет эпитетов “des visages vides ou des visages joyeux” («пустые или веселые лица») и обобщения “c’est-à-dire ce qu’on voit dans toutes les villes” («то есть то, что можно увидеть в любом городе»). Ожидая найти по возвращении страну, полную ненависти к режиму, Селестино обнаруживает, что жизнь в Испании мало чем отличается от жизни в любой другой стране (по крайней мере, внешне), что не может не вызвать в нем разочарования.

Горечь, которую испытывает Селестино по возвращении на родину, проявляется, например, в следующем фрагменте:

Pendant vingt années j’ai souffert à cause des souffrances de mon pays, et ces souffrances n’existent peut-être pas. Je devrais ne plus souffrir, mais maintenant je souffre qu’il n’ait pas eu en lui de quoi éprouver ces souffrances. Je me suis trompé encore une fois [Ibid, p. 192–193].

На протяжении двадцати лет я страдал из-за страданий, которые испытывала моя страна, а оказалось, что, возможно, никаких страданий и нет. Мне бы перестать страдать, но теперь я страдаю, потому что у нее не было причин для страданий. Я опять ошибся.

Отметим паремгемон с употреблением глагола “souffrir” («страдать») и существительного “souffrances” («страдания»), что создает эффект гиперболизации разочарования, которое переживает герой.

Квинтэссенцией разочарования становится эпизод, в котором Селестино отправляется на корриду. Зрелище, которое раньше увлекало его, больше его не интересует, а сам вид тореадоров на арене вызывает у него отвращение:

Et tous, avec ces roses, ces ors, ces faux cheveux, ces cravates rouge vif, ces costumes à la fois provocants et quelques-uns pisseux (sur l’un, on voit outrageusement, aux aisselles, les vastes cernes de sueur que le teinturier n’a pas pu faire partir), au milieu de gens habillés comme vous et moi, ils ont un air de clowns qui attendent le moment de monter sur les tréteaux: il y a en eux quelque chose qui dégrade la dignité humaine, cette dignité humaine pour laquelle don Celestino s’est battu. Comment n’ont-ils pas honte de s’exhiber ainsi? L’idéologie de Celestino lui fit prendre en horreur les déguisements, — à l’exception de ceux qu’on revêt en temps de Carnaval, bien entendu. Un torero scintillant lui paraît aujourd’hui ridicule: à ses yeux, où il y a costume il y a charlatan ou présomption de charlatan [Ibid, p. 233].

И все они, в этих розовых чулках, в этих расшитых золотом камзолах, с этими накладными волосами, ярко-красными галстуками и вызывающими костюмами, некоторые из которых — цвета мочи (на одном из них под мышками оскорбительным образом виднеются большие пятна пота, которые костюмеру так и не удалось вывести), среди нормально одетых людей похожи на клоунов, которые только и ждут возможности подняться на подмостки: есть в них нечто, что принижает человеческое достоинство, то самое человеческое достоинство, за которое боролся дон

Селестино. Как им не стыдно так выставляться? Под влиянием своей идеологии Селестино возненавидел такие наряды, конечно, за исключением карнавальных. Тореадор в сверкающем костюме сегодня кажется ему смешным: с его точки зрения переодевания свойственны только шарлатанам, настоящим или потенциальным.

Перечисление ярких цветов, в которые окрашены элементы костюма тореадора, в сопровождении отрицательно окрашенных эпитетов “provocants” («вызывающие»), “pisseux” («цвета мочи»), “ridicule” («смешной»), а также сравнение тореадоров с клоунами демонстрируют значительные перемены в восприятии героем элементов родной культуры. Характерно, что после этого эпизода меняется и его отношение к Испании в целом:

L'Espagne voulait être franquiste? Eh bien! qu'elle le fût. Entre sa patrie et lui était tombé le même rideau de fer qui était tombé la veille entre lui et Pascualita⁹ [Ibid, p. 272].

Испания желает быть франкистской? Ну что ж! пусть такой и будет. Между его родиной и им самим опустился тот же железный занавес, который опустился накануне между ним и Паскуалитой.

В данном контексте железный занавес является своего рода метафорой разрыва героя с прошлым, а именно с иллюзиями относительно своей родной культуры, которые он лелеял на протяжении всех двадцати лет, что находился в иммиграции.

Подводя итог, мы можем отметить, что в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» Испания репрезентируется двойственным образом. С одной стороны, она показана как плод фантазий главного героя и страна, к которой он питает болезненную привязанность и которой демонстративно гордится, что иллюстрируется намеренным употреблением испанизмов в речи

(далее при репрезентации реальной франкистской Испании подобное явление в тексте отсутствует). Этноцентризм героя передается также посредством многочисленных гипербол, антитез (передающих противопоставление испанской нации всем прочим) и на уровне грамматики, синтаксическими параллелизмами и семантически значимыми комбинациями глагольных времен. Эта воображаемая Испания принадлежит прошлому времен Гражданской войны и имеет крайне мало общего с действительностью. С другой стороны, в романе изображена Испания реальная, которая, судя по всему, сумела оправиться (по крайней мере, внешне) от последствий войны и живет обычной жизнью (впрочем, с исторической точки зрения это верно лишь отчасти, поскольку даже в поздние годы режим Франко отличался многочисленными репрессиями против политических оппонентов). Столкновение со столь прозаической действительностью шокирует героя настолько, что он утрачивает ощущение самоидентификации с родной культурой, которое сохранял все двадцать лет после бегства во Францию и ради которого ему приходилось жертвовать некоторыми своими идеями (в частности, неприятием личности Франко и его политики). Разочарование героя передается эпитетами с негативной окраской (в первую очередь, эпитетом “ennemi” — «вражеский»), множественными повторами лексем с негативной коннотацией, а также метафорами и перифразами, используемыми для номинации франкистской Испании с целью иллюстрации постепенного отчуждения героя от родной культуры. В целом репрезентация как самой Испании, так и социального поведения и эмоционального состояния героя отличается

⁹ Дочь главного героя, которой он тщетно пытается внушить свои общественно-политические идеи.

гиперболичностью, что призвано подчеркнуть добровольный отказ героя от интеграции в инокультурный социум и негативное влияние этого отказа на его самоидентификацию, а также на его восприятие культурной инаковости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bertrand de Muñoz, M.* La guerre civile espagnole et la littérature française. Montréal: Didier, 1972. 358 p.
2. *Viegnes, M.* Dimensions du tragique dans Le Chaos et la Nuit de Montherlant // *Romance Notes*. 1989. Vol. 30. No. 1. P. 83–90.
3. *Baladier, L.* Le Chaos et la Nuit: une poétique originale // *Babel*. 2013. No. 27. URL: <https://journals.openedition.org/babel/3409> (дата обращения: 04.07.2021).
4. *Frigerio, V.* La littérature de l'anarchisme. Grenoble: UGA Éditions, 2014. 387 p.
5. *Кулагина, О.А.* Языковые средства репрезентации трудностей культурной интеграции в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 2 (38). С. 19–27.
6. *Викулова, Л.Г. и др.* Лексемы identité/идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, О.В. Вострикова, С.А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 30–42.
7. *Beevor, A.* La Guerre d'Espagne. Paris: Calmann-Lévy, 2006. 681 p.
8. *Catala, M.* L'attitude de la France face à la Guerre d'Espagne: l'échec des négociations pour la reconnaissance du gouvernement franquiste en 1938 // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 1993. T. 29 (3). P. 243–262.
9. *Dreyfus-Armand, G.* L'accueil des républicains espagnols en France: entre exclusion et utilisation; 1936–1940 // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1996. № 44. P. 36–41.
10. *Ferréol, G.* Ethnocentrisme // *Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / Sous la dir. de G. Ferréol et G. Jucquois*. Paris: Armand Colin, 2010. Pp. 128–129.
11. *Montherlant, H. de.* Le Chaos et la Nuit. Paris: Éditions Gallimard, 1963. 289 p.

REFERENCES

1. Bertrand de Muñoz M. *La guerre civile espagnole et la littérature française*. Montréal, Didier, 1972, 358 p.
2. Viegnes M. Dimensions du tragique dans Le Chaos et la Nuit de Montherlant. *Romance Notes*, 1989, vol. 30, No. 1, pp. 83–90.
3. Baladier L. Le Chaos et la Nuit: une poétique originale. *Babel*, 2013, No. 27. Available at: <https://journals.openedition.org/babel/3409> (accessed: 04.07.2021).
4. Frigerio V. *La littérature de l'anarchisme*. Grenoble, UGA Éditions, 2014, 387 p.
5. Kulagina O.A. *Jazykovye sredstva reprezentacii trudnostej kulturnoj integracii v romane H. de Montherlant "Haos i noch"* [Impediments to Cultural Integration and their Linguistic Representation in H. de Montherlant's Novel "Chaos and Night"]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie* = *Vestnik of Moscow City University. Series "Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education"*, 2020, No. 2 (38), pp. 19–27. (in Russ.)

6. Vikulova L.G. and others. Leksemy identitě/identichnost kak jelementy universumov cheloveka i jazyka: jetnosemiotricheskij i aksiologicheskij aspekty interpretacii [Lexemes *Identitě/Identity* as Elements of the Human and Language Universes: Ethnosemiometric and Axiological Aspects of Interpretation], L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, O.V. Vostrikova, S.A. Gerasimova. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*, 2020, No. 2 (831), pp. 30–42. (in Russ.)
7. Beevor A. *La Guerre d'Espagne*. Paris, Calmann-Lévy, 2006, 681 p.
8. Catala M. L'attitude de la France face à la Guerre d'Espagne: l'échec des négociations pour la reconnaissance du gouvernement franquiste en 1938. *Mélanges de la Casa de Velázquez*, 1993, T. 29 (3), pp. 243–262.
9. Dreyfus-Armand G. L'accueil des républicains espagnols en France: entre exclusion et utilisation; 1936–1940. In: *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 1996, No. 44, pp. 36–41.
10. Ferréol G. Ethnocentrisme. In: *Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles*, Sous la dir. de G. Ferréol et G. Jucquois, Paris, Armand Colin, 2010, pp. 128–129.
11. Montherlant H. de. *Le Chaos et la Nuit*. Paris, Éditions Gallimard, 1963, 289 p.

Кулагина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, oa.kulagina@mpgu.edu

Olga A. Kulagina, PhD in Philology, Associate Professor, V.G. Gak Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, oa.kulagina@mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 11.07.2021. Принята к публикации 10.08.2021

The paper was submitted 11.07.2021 Accepted for publication 10.08.2021